

ПИСАТЕЛЬ ¹⁾.

Повѣсть.

XVIII.

Утро было самое лучшее рабочее время Алексѣя Александровича. Онъ уже давно не брался за работу и вдругъ съ какой-то особенной радостью вспомнилъ о работѣ. И его потянуло къ ней. Онъ зашелъ выкупаться въ прудѣ и пришелъ въ садъ, гдѣ они обыкновенно видѣлись. Ольги еще не было. Было рано, тѣни лежали длинныя далеко вкось по аллеѣ, трава въ саду еще спала, мокрая, матовая отъ росы.

Алексѣй Александровичъ рѣшилъ, что онъ до прихода Ольги успѣетъ поработать немного.

Онъ пошелъ въ свой кабинетъ, который былъ черезъ комнату отъ спальни Софьи Александровны, досталъ свою работу, сталъ читать и съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ ясности увидѣлъ разбивавшуюся прежде даль работы. Сразу стало видно лишнее. Онъ, взволнованный, схватилъ карандашъ и сталъ наскоро вычеркивать, чтобы выправить прямую линію истиннаго искомаго смысла. Это было главнымъ моментомъ въ созданіи каждаго произведенія. И въ этомъ моментѣ сосредоточивалось все наслажденіе. Здѣсь уже не было мукъ закладыванія первоначальнаго плана, когда часто убивало чувство собственного безсилія, казалась надѣвшею и истрепавшеюся ткань разказа, которую онъ бросалъ иногда нѣсколько разъ.

Онъ торопился провести до конца работу въ этой неповторяющейся ясности мысли и въ то же время спѣшилъ къ Ольгѣ.

Вдругъ дверь отворилась, и вошла, очевидно, искавшая его, Ольга.

— Ты уже встала?— сказалъ Алексѣй Александровичъ уди-

¹⁾ Окончаніе. См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. VIII.

вленно.—А я заработался, сдѣлалъ сегодня больше, чѣмъ другой разъ въ цѣлую недѣлю. Здравствуй.

Ольга, не отвѣтивъ на его улыбку, молча подошла къ нему и остановилась у стола.

— Сегодня словно прояснилось тамъ, гдѣ было запутано и неясно для меня.

Онъ былъ по-дѣтски радостно оживленъ.

— А я тебя ждала въ аллеѣ,—сказала Ольга, какъ-то отчужденно, не отвѣчая на его слова о работѣ.

— Я все время спѣшилъ къ тебѣ.

— И потому не пришелъ совсѣмъ?—сказала Ольга все тѣмъ же тономъ.

Она ни разу не отвѣтила на его упоминаніе о работѣ, какъ будто это было какое-то третье лицо, которое она странно игнорировала.

— Ольга, почему ты такъ говоришь?—сказалъ онъ удивленно.

— Потому что ты сегодня сѣлъ работать.

— Такъ что же?

— Ты вчера не работалъ, третьяго дня не работалъ.

— Мнѣ непонятно, что же изъ этого?—сказалъ Алексѣй Александровичъ, и въ тонѣ его послышалась досада.

— А мнѣ это понятно,—сказала Ольга, сматывая и разматывая на пальцѣ шнурокъ.

— Неужели ты хотѣла бы, чтобы я вовсе не работалъ?

— Я ничего не хотѣла. Я только говорю, что прежде *ты не могъ* работать, когда ты добивался меня, а теперь *ты можешь* работать.

— Ну, это ужъ странно, Ольга,—сказалъ Алексѣй Александровичъ,—вѣдь нельзя же не работать.

— Нельзя,—сказала Ольга.—Но есть моменты, когда эти соображенія отходятъ куда-то, а потомъ приходитъ время, когда человѣкъ опять вспоминаетъ о различныхъ соображеніяхъ.

— Ахъ, Боже мой, но гдѣ же логика?

— Тамъ, гдѣ нѣтъ любви.

— Ольга!

— Я говорю то, что есть.

— Нѣтъ, этого нѣтъ!—сказалъ Алексѣй Александровичъ, но самъ не почувствовалъ убѣдительности въ своемъ тонѣ.

Онъ хотѣлъ было еще что-то возразить, но удержался и взволнованно молча смотрѣлъ въ окно. Онъ почувствовалъ, что Ольга беретъ его руку.

— Боже мой, Боже мой,—сказала Ольга съ какимъ-то напря-

женіемъ, почти страданіемъ,—вѣдь я люблю тебя и ради этого все поставила на вѣсы: совѣсть, друга, порядочность,—все. Я мучу тебя, но мучу потому, что люблю.

— Что же, миръ?—сказалъ Алексѣй Александровичъ, попробавъ улыбнуться.

Но онъ продолжалъ ощущать внутри себя какое-то безразличіе, тотъ холодъ и отсутствіе чувства къ женщинѣ, какіе всего мучительнѣе были для него всегда.

Молодая женщина съ минутой стояла около него, потомъ вдругъ порывисто обхватила его шею, секунду близко смотрѣла ему въ глаза и закрыла его ротъ своимъ полуоткрытымъ ртомъ.

Алексѣй Александровичъ отвѣтилъ на ея поцѣлуй, и противъ воли схватилъ и отмѣтилъ поразившее его выраженіе ея полузакрытыхъ, закатившихся отъ страсти глазъ.

Изъ коридора вдругъ послышался голосъ Тани. Она звала отца пить кофе. Дверь отворилась, и она неожиданно вошла.

— Папочка... идите...—только выговорила она.

Ольга, покраснѣвъ, быстро отстранилась отъ Алексѣя Александровича.

— Пойдемте,—сказала она, не смѣя взглянуть на Таню.

И когда Таня, очевидно, замѣтившая и все понявшая, вышла, Ольга сейчасъ же, не взглянувъ на Алексѣя Александровича и не поднимая головы, ушла.

XIX.

Алексѣй Александровичъ чувствовалъ себя слабымъ передъ той силой любви, которая проснулась въ этой женщинѣ. Это ощущеніе неравности силъ не оставляло его въ любви ко всѣмъ женщинамъ, какихъ онъ зналъ.

Была ли это каждый разъ не та, или въ немъ самомъ разъ навсегда было что-то *не то* въ этой области, онъ не зналъ и иногда въ отчаяніи разбирался и не могъ разобраться.

Женщины были для него тѣмъ міромъ, который имѣлъ надъ нимъ постоянную власть. Съ этимъ міромъ онъ былъ таинственно связанъ безчисленными тончайшими нитями.

Но эта связь была почти не реальная, а жившая на какихъ-то остріяхъ вѣчной жажды возбужденія, вѣчныхъ предчувствій. Одна встрѣча взглядомъ, прикосновеніе, мелькнувшее въ окнѣ вагона, лицо женщины и ея взглядъ, отвѣтныи на его взглядъ, поднимали въ его существѣ острое, таинственное наслажденіе. И чѣмъ короче, мгновеннѣе была встрѣча, тѣмъ острѣе было это чувство.

Черезъ минуту другіе глаза уже вступали съ нимъ въ связь, чтобы мелькнуть и исчезнуть.

Въ двухъ обмѣнявшихся взглядахъ въ теченіе одной секунды уже была мистическая встрѣча, вопросъ, отвѣты, сближеніе—острое и тонкое, какъ игла. Здѣсь для него были мгновенные расцвѣты, утонченныя мистеріи пола. И часто одна такая встрѣча глазъ зажигала у него миллионы ослѣпительныхъ огней въ мозгу, открывала невидимыя міры и бездонное многообразіе чувства.

И когда вначалѣ онъ видѣлъ Ольгу недоступной, ему казалось тогда такимъ блаженствомъ обладать ею. Ему казалось, можно было умереть отъ любви, отъ страсти къ ней.

Но какъ только возможность обладанія осуществилась, и отношенія ихъ сошли съ острія невыявленности, ни страсти, ни бурной чувственности, какая ему представлялась,—этого ничего не было.

Въ то время, когда Ольга отъ охватившей ее любви и впервые проснувшейся страсти ничего не видѣла и не слышала, онъ не терялъ способности все замѣчать и отмѣчать. И ему скоро уже невольно пришлось что-то искусственно преувеличивать, даже лгать, въ своемъ чувствѣ, чтобы полюбившая его женщина не замѣтила, что въ немъ *ничего нѣтъ*.

Эта постоянная неестественность и искусственность создавала что-то тяжелое, почти мучительное. Онъ усиливалъ свои поцѣлуи, точно надѣясь внѣшней стремительностью влить въ нихъ отсутствующее чувство и самому пережить его.

Онъ обманывалъ ее, но себя не могъ обмануть. Нужно бы бросать женщину, когда она изъ чужой, таинственной становилась доступной.

Но всякій разъ ему мучительно хотѣлось выпить недоступное для него наслажденіе: загорѣться. Но этого ни разу не было. И онъ уже мечталъ о тѣхъ первобытныхъ людяхъ, лѣшихъ, русалкахъ, которыхъ онъ изображалъ съ ихъ любовью и похотью. Онъ убѣгалъ отъ позорной для него дѣйствительности къ творчеству, которое вознаграждало отсутствіе того огня въ крови, какой былъ *тамъ*, въ его картинахъ.

Ольга испытывала острое блаженство отъ одного прикосновенія къ его рукѣ; онъ испытывалъ волненіе отъ этого прикосновенія только въ самомъ началѣ, когда оно еще было запретно, теперь же онъ ничего не чувствовалъ.

Нормальное чувство женщины ничего не давало ему и требовало отъ него того простого и сильнаго, чего въ немъ не было,—страсти.

Волновало и туманило его мозгъ только тогда, когда онъ переходилъ каждый разъ новую границу ея стыдливости.

Его волновало уже только то, что Ольгу пугало. И онъ видѣлъ, что она иногда колеблется, не зная, какъ это принять. Самого его это волненіе вознаграждало за отсутствіе въ немъ того, чего онъ такъ хотѣлъ и не могъ испытать: такой же сильной, безъ *мыслей* любви, какую любила его молодая женщина. Оставалось или ее оставить, или идти тѣмъ путемъ, какимъ онъ шель обыкновенно въ отношеніяхъ къ любившимъ его женщинамъ: путемъ постепеннаго расширенія и отысканія новыхъ формъ интимныхъ отношеній.

Было 9 часовъ вечера, обычное время ужина. Алексѣй Александровичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ у стола и работалъ. Кто-то вошелъ. Онъ оглянулся—это была Ольга.

— Ужинъ поданъ,—сказала она.

Алексѣй Александровичъ удивился, почему она въ такое время вошла къ нему. Прежде этого никогда не дѣлала, если кто-нибудь былъ дома.

Она подошла къ нему вплотную, глаза ея смотрѣли серьезно и тревожно, какъ будто она хотѣла высказать то, что ее мучило, и не рѣшалась.

— Что ты, Ольга?—сказалъ Алексѣй Александровичъ, придавъ своему голосу отгѣнокъ заботливой ласки и тревоги:

У него мелькнула и испугала его мысль, что она все сказала Софьѣ.

Но онъ совсѣмъ не ожидалъ услышать отъ нея того, что она сказала.

— Поклянись мнѣ...—сказала Ольга и вдругъ мучительно покраснѣла.

Видно было, что ей большихъ усилій стоило рѣшиться сказать то, что она хотѣла сейчасъ сказать.

— Въ чемъ?—сказалъ тревожно Алексѣй Александровичъ.

— Въ томъ, что *она*... что ты,—быстро поправилась Ольга, точно боясь этого слова, какое она нечаянно употребила,—что ты... все время съ Петербурга... не знаешь и не будешь знать *ее*,—съ усиленіемъ выговорила она, когда щеки ея уже пылали отъ стыда.

Алексѣй Александровичъ смутился.

— Развѣ... ты не вѣришь мнѣ?—сказалъ онъ, покраснѣвъ.

— Я не знаю,—сказала Ольга, не глядя на него.

— Какъ не знаешь? Не вѣришь?—воскликнулъ Алексѣй Александровичъ съ большей горячностью, чѣмъ у него было въ дѣйствительности.

— Но вѣдь я же не знаю, пойми меня!—сказала она съ выраженіемъ страданія.—Я не вижу тебя, когда ты... бываешь... тамъ, съ нею. Вѣдь всетаки ты съ нею!

— Ольга! Ольга!

— Да, ты съ нею!... А я, какъ воръ, беру твои ласки, краду ихъ у нея. Пойми, я не могу! Я не могу жить съ этою ложью, съ тѣми скверными мыслями, какія приходятъ мнѣ въ голову, когда ты остаешься съ нею. Если мы уже сдѣлали одинъ шагъ, какого не должны были дѣлать, то должны сдѣлать что-то до конца... Нужно не видѣть ея, нужно не обманывать, не быть похожими на мелкихъ ворипшекъ... Вотъ ты съ нею послѣднее время сталъ нѣжитье, и меня уже это мучитъ, пугаетъ...

— Ольга, неужели нужно быть съ ней жестокимъ? Вѣдь я же любилъ ее когда-то, и она была мнѣ преданнымъ другомъ.

— Зачѣмъ же ты это мнѣ говоришь?—сказала Ольга, поблѣднѣвъ.—Я потому отъ нея и далека сейчасъ, что прежде была очень близка. Если бы она была для меня безразлична, я спокойно бесѣдовала бы съ нею...

И, какъ будто сказавъ то, чего не хотѣла бы говорить, Ольга вдругъ замолчала. Алексѣй Александровичъ минуту молча смотрѣлъ на нее.

— Ольга,—сказалъ онъ.—Какъ можно *этимъ* мучиться? Какою-то ложью, какимъ-то неустроеніемъ. Развѣ *это* важно? Вѣдь въ тебѣ есть самое главное, то, за что можно отдать... жизнь. Въ тебѣ есть любовь! Любовь безъ мысли, безъ сомнѣнія въ себѣ, въ своемъ чувствѣ. А вѣдь главное—это не сомнѣваться въ своемъ чувствѣ, имѣть его безъ конца, безъ границъ!—говорилъ Алексѣй Александровичъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. Зачѣмъ же ты говоришь о чемъ-то другомъ?...

Она нѣсколько времени странно напряженно смотрѣла на него.

— Затѣмъ,—сказала она медленно,—что мнѣ страшно самой себя.—Она пошла было къ двери, но остановилась и, покраснѣвъ, сказала:—Послѣ ужина... въ бесѣдкѣ.

— Неужели? Ольга!—сказалъ Алексѣй Александровичъ, поспѣшно сдѣлавъ обрадованное лицо.

Ольга ушла.

— Ничего нѣтъ!—сказалъ онъ съ отчаяніемъ, схватившись за голову.—Остается просто бѣжать. О, какъ это мучительно!

XX.

Послѣ ужина онъ ушелъ къ себѣ въ комнату, раскрылъ окно и сталъ ждать. Въ раскрытое окно бѣлѣли освѣщенные лампы

вѣтки яблони, а сквозь нихъ видно было освѣщенное окно тетюшкиной комнаты. И невдалекѣ отъ окна чуть виднѣлась въ темной стѣнѣ дверь въ садъ; изъ нея должна была выйти Ольга.

Воздухъ въ саду былъ душень и неподвиженъ. Гдѣ-то собиралась гроза, но темное, безлунное небо все было одинаково черно и тучь не было видно. Только, когда вспыхивала за деревьями молнія, на секунду освѣщался надвигающійся съ юга зловѣщій валъ грозовой тучи и подъ нимъ мутный красноватый просвѣтъ дождя. И когда ему казалось, что Ольга не придетъ, то страсть къ ней и сожалѣніе о разстроившемся свиданіи вспыхивали въ немъ со страшной силой. И онъ уже мучился, что ея нѣтъ и что, можетъ быть, ей помѣшаетъ что-нибудь прійти.

Сначала долго не гасъ свѣтъ въ теткинѣ окнѣ. Потомъ кто-то выходилъ въ садъ, отворялось окно, кто-то говорилъ, чтобы подставили кадки подъ водосточныя трубы, потомъ запирались стѣны, окна. Стукнула послѣдняя дверь, все затихло, свѣтъ въ теткинѣ окнѣ погасъ. И все смолкло. Долго не было слышно ни звука. Вдругъ стукнула осторожно отодвигаемая желѣзная задвижка въ садъ. И стала ясна широкая щель между дверью и притолкой. Сначала показалась открывшаяся темнота стѣны, затѣмъ изъ нея осторожно выступила бѣлая женская фигура. Она стояла нѣсколько секундъ, выжидая. Потомъ она осторожно сошла со ступенекъ и быстро пошла подъ окнами дома у самой стѣны, чтобы не быть замѣченной изъ окна. Алексѣй Александровичъ выпрыгнулъ изъ окна около куста сирени и затрещалъ въ бурьянѣ стеклами.

Ольга стояла передъ нимъ въ свободномъ платьѣ, котораго онъ не видалъ и въ которомъ она, очевидно, бывала только въ спальнѣ при мужѣ. Горячая маленькая рука ея схватила его руку. Отъ волненія она не могла ничего сказать и, пригибаясь подъ низкія вѣтки яблоней, поспѣшно повлекла его за собой, точно убѣгая отъ кого-то.

Тучи надвинулись, закрапалъ дождь, молнія вспыхивала гдѣ-то совсѣмъ близко и странно ясно освѣщала траву и косыя, рѣдко падающія капли.

— Скорѣе, скорѣе!—говорила шопотомъ Ольга и, подобравъ иередь платья, почти бѣгомъ бѣжала къ бесѣдкѣ.

Алексѣй Александровичъ, выставивъ одну руку передъ собой, бѣжалъ за ней и часто натыкался то лицомъ, то рукой на вѣтки. И видѣлъ себя со стороны бѣгущимъ по дождю, ночью, съ чужой женой, съ нелѣпо выставленной впередъ, какъ у слѣпого, рукой.

И эта мысль уже разбила и охладила все.

Онъ бѣжалъ и до отчаянiя завидоваль этой женщинѣ, у которой, очевидно, не было никакихъ мѣшающихъ мыслей, а было только одно—любовь къ нему. Ольга первой вбѣжала въ темную бесѣдку, въ которой пахло сѣномъ и яблоками.

Едва онъ вошелъ туда, какъ вокругъ его шеи радостно обвилась ея руки, какъ будто она пробѣжала благополучно мимо опасностей. Въ дверь и цвѣтныя окна странно блеснула измѣненнымъ свѣтомъ молнiя, раздался низкiй ударъ грома, и дождь сплошнымъ шумомъ зашумѣлъ по листьямъ и по тесовой крышѣ бесѣдки.

— Неужели мы вмѣстѣ?—сказала Ольга.

Гроза увеличивала ихъ уединенность, ихъ слитность и какъ будто ограждала и защищала ихъ. Алексѣй Александровичъ всей силой понималъ желанность этого момента. Онъ зналъ по опыту, что современемъ, когда все уже будетъ невозвратно и станетъ воспоминанiемъ, у него будетъ загораться кровь при одной мысли объ этой ночи съ грозой въ бесѣдкѣ, о темнотѣ, о запахѣ сѣна и яблокъ и объ отдающейея ему женщинѣ... И когда-нибудь онъ изобразить это.

— Мы одни, совсѣмъ одни,—сказала Ольга.

Ольга говорила прерывающимся шопотомъ и, сжимая его руку, стояла передъ нимъ. Прикасаясь къ ней въ темнотѣ рукой, онъ чувствовалъ сквозь тонкую ткань ея освобожденное отъ корсета тѣло.

— Милый, милый! Боже мой, когда же не будетъ этой лжи? Когда мы будемъ совсѣмъ вмѣстѣ?

— Зачѣмъ ты постоянно думаешь объ этомъ?...—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я же не могу, не могу не помнить каждую минуту, что мы лжемъ, что мы бѣгаемъ куда-то въ бесѣдку, что я на тебя не имѣю никакого права. Боже мой, Боже мой, что мнѣ съ собой дѣлать? Что со мной? Возьми меня къ себѣ скорѣе, возьми совсѣмъ! Уведи куда-нибудь! Я всюду пойду за тобой, потребуй отъ меня какого-нибудь подвига!—говорила Ольга въ какомъ-то опяннѣнiи, прижимаясь къ нему, точно она искала у него защиты отъ того огня, который жегъ ее. Какъ будто ее ужасало то, что вселилось въ нее и росло съ неудержимой силой.

— Помнишь, прежде я говорила, что самое главное у насъ есть: мы вмѣстѣ. И большаго ничего не нужно. О ней я если думала, то только со стороны своей вины передъ нею. Но... теперь для меня невозможна, мучительна мысль, что она—твоя жена...

— Ольга, вѣдь это же... по вѣнчанинѣ только.

— Да, но это ужасно. И потому... ночью ты съ ней остаешься.. И я не вижу тебя. Я же не вижу тебя съ ней вдвоемъ, и я не могу не думать.

— Ольга, мнѣ непонятна эта архаическая ревность въ тебѣ.

— Вамъ, мужчинамъ, очевидно, многое непонятно изъ того, что понятно намъ, женщинамъ,—сказала она.

— Ну, вотъ ты опять...

— Не могу, не могу!...—сказала Ольга, не слушая его и отъ какого-то мучительнаго представленія содрогаясь плечами.

Писатель вспомнилъ, что они уже долго стоятъ такъ.

— Ну, забудь же объ этомъ, забудь,—сказалъ онъ шопотомъ.

Ольга вдругъ замолкла, руки ея стыдливо легли ему на плечи и онъ, чувствуя недостаточность, неполноту своего чувства и стыдъ и презрѣніе къ себѣ за это, обнялъ ее и крѣпко, какъ бы отъ избытка страсти, прижалъ къ себѣ...

Дождь ровнымъ, сплошнымъ шумомъ стучалъ по крышѣ, въ темнотѣ бесѣдки все такъ же пахло сѣномъ, яблоками и тонкими женскими духами, и дождь, казалось, не уменьшалъ духоты іюльской ночи.

XXI.

Алексѣй Александровичъ видѣлъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла любовь молодой женщины къ нему. И тѣмъ меньше было въ немъ даже того скуднаго чувства, какое жило въ немъ въ самомъ началѣ. Создавшееся положеніе иногда въ критическіе моменты приводило его въ крайнее отчаяніе. Ольга, не останавливаясь, шла все впередъ. И требовала все новыхъ и большихъ доказательствъ любви, которой у него не было.

Она не соблюдала никакихъ предосторожностей, не дѣлала никакихъ уступокъ обстоятельствамъ. Съ одной стороны, это только, конечно, доказывало силу и искренность ея любви. Но, съ другой стороны, эта сила и искренность ему-то были не нужны, только лишній разъ заставляли его чувствовать безвыходность его положенія. Самъ онъ чѣмъ больше чувствовалъ себя виноватымъ передъ женой, тѣмъ становился внимательнѣе къ ней и даже искренно нѣжнѣе, точно желая чѣмъ-то вознаградить ее.

Но у Ольги было совсѣмъ иначе: она была какъ-то болѣзненно прямо со своимъ чувствомъ. Съ мужемъ, съ этимъ кроткимъ человекомъ, она не выдерживала даже самаго короткаго разговора и сейчасъ же уходила, отвѣтивъ только на вопросъ. Съ Софьей тоже ограничивалась рѣдкими незначительными фразами, боль-

шею частью безразличнаго характера, точно она боялась возникновенія всякаго продолжительнаго разговора.

И это Алексѣю Александровичу было непонятно.

Конечно, онъ не могъ совѣтовать ей быть... нѣжнѣе съ мужемъ, чтобы его успокоить.

„Я и не совѣтовалъ этого,—думалъ онъ.—Но необходимо сказать ей, чтобы она хоть немного и хоть видѣше жалѣла этихъ людей, хотя бы даже и мужа“.

И такъ все это было нехорошо, сложно. Сложно потому, что эта женщина вкладывала въ свои отношенія къ нему слишкомъ много трагическаго, того, что ему казалось неотносящимся къ любви. И отъ него требовала все большихъ и большихъ внутреннихъ затратъ, въ то время какъ ему хотѣлось всѣ силы сосредоточить на работѣ. Но и работа шла у него вяло, когда вблизи постоянно была женщина, которую онъ такъ страстно хотѣлъ любить, а страстной любви не было. Было только мучительное безсильное желаніе отсутствующаго огня въ крови.

„Эта женщина, совсѣмъ нетронутая, молодая и свѣжая, какъ дѣвушка, сколько она могла бы дать наслажденія“,—думалъ онъ, почему-то говоря *могла бы*. И неизвѣстно было, при какихъ условіяхъ она могла бы дать его.

XXII.

Самое мучительное для всѣхъ были обѣды и ужины, когда особенно чувствовались ложь и общая неловкость отъ необходимости сидѣть всѣмъ за однимъ столомъ.

Только писатель какъ будто, благодаря массѣ новыхъ для него деревенскихъ впечатлѣній, меньше всѣхъ чувствовалъ эту общую тяжесть. Иногда онъ приходилъ съ прогулки и рассказывалъ за обѣдомъ, когда всѣ остальные сидѣли молча.

Одинъ разъ онъ опоздалъ къ обѣду. Всѣ уже сидѣли за столомъ, когда онъ пришелъ... Видъ у него былъ усталый, но довольный, на вспотѣвшемъ лбу былъ красный кругъ отъ шляпы. Оказалось, что онъ ходилъ пѣшкомъ за десять верстъ въ сосѣднее село, гдѣ жилъ какой-то интересный старикъ. И онъ вынулъ изъ кармана цѣлый пучокъ исписанныхъ листковъ съ новыми матеріалами.

— Какъ странно!—сказалъ онъ, садясь,—я замѣтилъ, что чѣмъ мѣстность въ Россіи южнѣе, тѣмъ въ ней меньше поэзіи и типическаго „русскаго“. На сѣверѣ—тамъ наоборотъ: во всѣхъ этихъ простыхъ дворахъ, сѣнничкахъ, воротахъ съ навѣсами такъ

и чувствуется какая-то вѣковѣчность и поэзія быта. Такъ и кажется, что стукнетъ тяжелое желѣзное кольцо у какой-нибудь калитки и тайкомъ выйдетъ на свиданіе дѣвушка.

— А у тебя, батюшка, только одни свиданія на умѣ!—сказала Анна Матвѣевна, все время съ негодованіемъ слѣдившая за писателемъ, и встала.—Что смотришь? Правду говорю!

Писатель, правда, смотрѣлъ на нее. Но въ глазахъ его былъ виденъ только обычный интересъ къ ней и къ ея сочнымъ словамъ. Казалось, что если бы это не было неприлично, онъ сейчасъ же вынулъ бы книжечку и записалъ въ нее слова Анны Матвѣевны.

— Какая яркая натура!—сказалъ Алексѣй Александровичъ, обращаясь къ Дмитрію Ивановичу, когда Анна Матвѣевна ушла.

Тотъ ничего не отвѣтилъ.

Дмитрій Ивановичъ очень измѣнился, осунулся и похудѣлъ.

Прошло уже два мѣсяца съ того самаго времени, какъ Ольга пріѣхала домой. Отчужденіе стало настолько сильно и явно, что вужно было, наконецъ, на что-то рѣшиться. Онъ видѣлъ, что Ольга избѣгала его, не могла переносить простой его близости, простого присутствія его около себя наединѣ.

Какъ человѣкъ, неспособный ни къ какой хитрости, Дмитрій Ивановичъ не допускалъ никакихъ подглядываній и наблюденій. Онъ предполагалъ все, но отъ предположеній было не легче, такъ какъ они ничего не уясняли, а наоборотъ—усложняли и запутывали.

Жизнь становилась невозможной.

Всѣ его прежнія попытки объясненія съ женой не вели ни къ чему, потому что онъ не могъ уловить смысла этой перемѣны.

Теперь за два мѣсяца этотъ смыслъ опредѣлился несомнѣнно. И разговоръ можно было начать съ категорическаго, яснаго вопроса: почему она перестала быть его женой?

Онъ говорилъ это, а самъ восклицалъ:

— Ну что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?—и ходилъ одинъ взадъ и впередъ по ковру кабинета и беспомощно разводилъ своими толстыми руками, каждый разъ останавливаясь у стола. По ночамъ онъ иногда долго лежалъ неподвижно на спинѣ въ темнотѣ на большой опустѣвшей постели и не спалъ. Иногда вставалъ, ходилъ по комнатѣ въ халатѣ и курилъ папиросу за папирсой.

Онъ видѣлъ, что и вся атмосфера дома неуловимо, неизвѣстно съ какого времени, совершенно измѣнилась. Софья Александровна, прежде веселая, мило оживленная, постоянно занятая чѣмъ-

нибудь, теперь, когда въ комнатѣ съ ней никого не было, иногда по цѣлымъ часамъ сидѣла, глядя въ одну точку, опустивъ руки съ вязаньемъ на колѣни.

Танечка стала какая-то робкая, молчаливая. И не разъ онъ видѣлъ, какъ она украдкой какъ-то странно смотрѣла на Ольгу.

И Дмитрія Ивановича охватывало отчаяніе отъ признанія невозможности проникнуть въ душу самаго близкаго человѣка.

— Нѣтъ, оставлять такъ больше нельзя,—сказала Дмитрій Ивановичъ одинъ разъ взволнованно, ходя по дорожкѣ въ саду, и пошелъ къ дому.

Но, проходя мимо бесѣдки, онъ вдругъ услышалъ голосъ Ольги. Она говорила горячо и разстроено:

— Я прежде всего требую опредѣленности, а ея въ васъ нѣтъ.

— Ольга, какъ ея во мнѣ нѣтъ?—сказала голосъ, по которому Дмитрій Ивановичъ узналъ Алексѣя Александровича.

— Нѣтъ ея, нѣтъ,—сказала голосъ Ольги.

Страшное подозрѣніе, какъ ножомъ, кольнуло его въ сердце и помутило рассунокъ.

„Неужели... это?...“—подумалъ онъ, поблѣднѣвъ.

Онъ осторожно отошелъ въ сторону и пошелъ домой. Но вдругъ ему стало досадно на свою неумѣстную щепетильность. Почему онъ не дослушалъ разговора? Въ сущности что же онъ услышалъ? Гдѣ улики? Гдѣ доказательства? Этотъ разговоръ ничего не доказывалъ. Но сейчасъ же онъ вспомнилъ ея тонъ. Такимъ тономъ не говорятъ съ простымъ знакомымъ... И онъ... странно отвѣчалъ, думалъ Дмитрій Ивановичъ, шагая уже по своему кабинету. Онъ остановился, сжавъ голову руками. Потомъ опустилъ руки и, вздохнувъ, опять сталъ ходить отъ стола къ двери. Онъ мысленно перебиралъ все лѣто. Лѣтомъ онъ, занятый уборкой, покосомъ, рѣдко бывалъ дома. Но ему вдругъ сталъ страшно понятенъ весь смыслъ перемѣны Ольги. Вспоминая, онъ понималъ теперь каждую перемѣну, происходившую въ ея настроеніи, когда онъ, бывало, подходилъ къ ней; ему стало понятно то углубленное выраженіе духовной красоты и расцвѣта, которое онъ часто замѣчалъ въ Ольгѣ,—все это относилось къ другому. А онъ вызывалъ въ ней досаду и страданіе своимъ появленіемъ. Стали понятны ея отчужденность и нервность въ отношеніи къ нему.

Онъ опять взялся руками за голову, потомъ выдохнулъ воздухъ, какъ будто его душило что-то, и остановился посреди комнаты, напряженно глядя передъ собой. Глаза его были красны, какъ будто отъ какого-то внутренняго чрезмѣрнаго напряженія.

— Обѣдать подано,—сказала Аннушка, войдя въ своихъ ря-

быхъ чулкахъ въ кабинетъ. Она остановилась и нѣсколько времени стороной глядѣла на барина.

— Ступай, я сейчасъ приду, — сказалъ Дмитрій Ивановичъ, поймавъ понимающій взглядъ Аннuschки.

Аннuschка вздохнула и ушла, захвативъ по дорогѣ брошенное на стулѣ забытое крыло.

— Вотъ уже и прислуга что-то знаетъ и смотритъ съ жалостью. А я, я ничего не зналъ...

Дмитрій Ивановичъ пошелъ было въ столовую, но, увидѣвъ, что Ольга прошла за чѣмъ-то въ спальню, рѣшительно повернулъ туда.

XXIII.

Ольга стояла у комода, — повидимому, она начала было разбирать что-то на комодѣ, но задумалась, держа руки на открытой шкатулкѣ.

При входѣ мужа она не оглянулась на него, но, узнавъ его по звуку шаговъ, сейчасъ же занялась шкатулкой.

Дмитрій Ивановичъ остановился около нея.

Онъ пристально глядѣлъ на нее и видѣлъ, что она замѣтила его взглядъ. У него забилося сердце и потемнѣло въ глазахъ отъ сознанія, что она умышленно прячется отъ него. Значитъ, дѣйствительно, что-то есть.

Ольга, настороженно нѣсколько секундъ ждала, что скажетъ мужъ, и, такъ какъ Дмитрій Ивановичъ молчалъ и только разстроено, подозрительно смотрѣлъ на нее, она сказала совершенно спокойно:

— Ты что? Кажется, обѣдать подано?—И стала укладывать обратно выбранныя вещи, чтобы запереть шкатулку.

— Ольга!—сказалъ Дмитрій Ивановичъ, не спуская съ нея глазъ.

— Что?—спросила Ольга, какъ будто удивившись необычному тону мужа.

— Я хочу, чтобы ты объяснила мнѣ перемѣну твоихъ отношеній ко мнѣ.

— Я къ тебѣ отношусь такъ же, какъ всегда,—сказала Ольга, сейчасъ же погаснувъ и замкнувшись. Она вдругъ стала холодна, что-то упорное, почти жестокое появилось въ складкѣ ея губъ.

— Нѣтъ, не такъ же...—сказалъ Дмитрій Ивановичъ.—Ты понимаешь, про что я говорю. У тебя появилось отвращеніе ко мнѣ,

боязнь меня, какъ мужчины... Откуда это? Почему?...—Онъ взялъ съ туалетнаго стола пуховку для пудры и дрожащими, блѣдными пальцами вертѣлъ ея костяную головку.

— Ты не допускаешь во мнѣ никакихъ своихъ внутреннихъ причинъ,—сказала Ольга, избѣгая взгляда мужа,—ты мои отношенія къ тебѣ измѣряешь... самымъ грубымъ.

— А какія могутъ быть въ данномъ случаѣ *внутреннія* причины?

— Ты, кажется, уже посягаешь, ты требуешь отчета въ каждомъ движеніи души?—сказала холодно-презрительно Ольга.

— Ты прежде сама повѣряла мнѣ это, и я ничего не требовалъ, а теперь мнѣ... странно, что ты такъ закрылась отъ меня. Мнѣ странно это...

Дмитрій Ивановичъ, какъ убійца держитъ спрятанный ножъ, держалъ наготовѣ вопросъ о томъ, что было въ *бесѣдкѣ*.

Онъ только потому медлилъ, что его тянуло еще разъ услышать, какъ ляжетъ *его* жена. Ему точно хотѣлось еще разъ заглянуть въ какую-то страшную пропасть, отъ одного приближенія къ которой кружилась голова.

— Надо идти обѣдать,—сказала Ольга, ставя на мѣсто шкапулку.

— Вотъ! Ты понимаешь, что я хочу выяснить... что я хочу узнать... *правду*,—сказалъ, блѣднѣя, Дмитрій Ивановичъ,—и дѣлаешь видъ, что ничего не случилось, говоришь про обѣдь...

Онъ повернулъ судорожнымъ движеніемъ пальцевъ головку пуховки и отломилъ ее.

— Ты видишь, въ какомъ я настроеніи, не можешь не видѣть, и ты хочешь уйти, не спросивъ о причинѣ.

Ольгу вдругъ охватила тупая тоска и равнодушіе. Она ждала только одного рѣшительнаго вопроса, чтобы сказать, что случилось то, что она больше не можетъ жить здѣсь, не можетъ переносить его близости... потому что полюбила другого мужчину, и онъ любитъ ее.

Но вдругъ ее остановила и до ужаса испугала мысль: имѣетъ ли она основаніе и право сказать, что тотъ ее любитъ. Гдѣ же его любовь? Въ чемъ она? И какъ позорны будутъ ея слова о его любви, когда окажется, что она ошиблась.

— Что было въ... *бесѣдкѣ*, Ольга?—спросилъ вдругъ Дмитрій Ивановичъ.

И, несмотря на то, что Ольга ждала рѣшительнаго вопроса и положила сказать правду, она вздрогнула и, поблѣднѣвъ, совершенно инстинктивно, противъ своей воли спросила:

— Когда?

У нея мелькнула страшная, позорная мысль, что Дмитрій Ивановичъ слѣдилъ за ней и слышалъ все, что было въ бесѣдкѣ въ ту ночь съ грозой.

— Сегодня, сейчасъ...

— Я говорила съ Алексѣемъ Александровичемъ,— сказала Ольга. Лицо ея вдругъ стало спокойно и холодно.

— О чемъ?—спросилъ Дмитрій Ивановичъ хмуро и не глядя на нее.

— У насъ былъ чисто принципиальный разговоръ.

— А о какой *опредѣленности* говорилось?

У Ольги былъ уже усталый, окаменѣлый видъ.

— Объ опредѣленности, которой недостаетъ въ его... теоріяхъ.

Она отвѣчала такимъ тономъ, какъ будто была насильно приведена на какой-то судъ, и, уступая насилію, говорила.

— И кромѣ этого разговора, тамъ больше ничего не было, Ольга?—сказалъ Дмитрій Ивановичъ. На пухломъ бѣломъ лбу его выступили капли пота.

— Ничего,—сказала Ольга и холодно, мертво взглянула на мужа.

Дмитрій Ивановичъ наклонилъ голову и молча вышелъ изъ комнаты.

XXIV.

Ольга послѣ этого объясненія почувствовала, что она запутывается въ обманѣ и лжи все дальше и дальше.

Ложь Дмитрію Ивановичу была легче, ее можно было переносить ради того счастья, какое такъ жестоко и коварно предложила ей судьба.

Совсѣмъ другое дѣло было по отношенію къ Софьѣ Александровнѣ.

Самое мучительное было въ томъ, что между ними были такія отношенія, какихъ не было у нея съ мужемъ. Отношенія, основанныя на самомъ тонкомъ и высшемъ. И вотъ теперь Софья знала, быть можетъ, *все* знала. Ольга же продолжала жить съ ней подъ одной кровлей, встрѣчалась съ ней по нѣсколько разъ въ день, говорила и, значитъ, каждымъ движеніемъ, каждой фразой, даже самой безразличной, лгала. И потомъ, что было самое ужасное—это отсутствіе борьбы съ ея стороны. Было невыносимо бить того, кто не защищается отъ удара и только склоняетъ голову, какъ будто избѣгая смотрѣть на того, кто его бьетъ.

Можно было перенести упреки, самую страшную сцену ревности, но это покорное молчаніе человѣка, которому чужда грязь жизни съ войной за свое право, да при этомъ еще какая-то почти виноватая, мягкая полуулыбка, съ какой она иногда отвѣчала на какой-нибудь вопросъ,—это было непереносимо.

„Почему она не отстаиваетъ своего права? Чего ей нужно? Какое-то пассивное ожиданіе правосудія судьбы. Неужели ей нужно, чтобы я мало того, что столкнула ее со своей дороги, а и *прикончила бы* еще? Или пришла съ повинной? И я, и онъ повинились бы и обѣщали впредь не дѣлать. Но что это въ ней—дряблость воли или жестокость?“ говорила Ольга сама съ собой.

„Боже мой, Господи, какъ скверна твоя жизнь!“

„Кто это наносилъ сюда грязи? Вѣрно, Настасья. Вонъ и ножка у кресла сломана, и ужъ, конечно, она же. Да о чемъ это я сейчасъ?... Прийти съ повинной? Нѣтъ, не это. Да, а что же онъ? Кто же онъ наконецъ? Господи, помоги же мнѣ“, сказала она, вдругъ сжимая подъ грудью руки и поворачиваясь на диванѣ къ образу съ выраженіемъ отчаянія и просьбы, но сейчасъ же, какъ будто забывъ про образъ, повернулась опять.

Ольга встала, постояла нѣсколько времени, напряженно закусивъ губы, потомъ вышла въ гостиную и вздрогнула, отъ неожиданности.

— Ахъ, ты здѣсь?—сказала она, невольно краснѣя,—а я думала, ты еще не пришла.

— Нѣтъ, я ходила, но у меня на солнцѣ всегда болитъ голова,—сказала Софья Александровна; она сидѣла въ уголку дивана, подобравъ подъ себя ноги, точно ей было холодно, и она приложила ко лбу свою худую руку.

— Вотъ хорошенькій узоръ,—сказала Ольга, низко наклоняясь къ вязанью, точно желая скрыть краску на щекахъ.—Это *новый*?

— Нѣтъ, это уже три недѣли вяжется и никакъ не довяжется,—сказала Софья Александровна.

— У меня никогда не было терпѣнія вязать,—сказала Ольга, какъ будто она сидѣла съ дамой, мало знавшей ее.—А что сегодня у Дмитрія Ивановича дѣлается?—спросила она, какъ только разговоръ прервался на минуту, точно она боялась молчанія.

— У него, кажется, молотьба,—сказала Софья Александровна, не поднимая глазъ.

— Я-то хорошая хозяйка, у другихъ спрашиваю.

— Вѣдь ты и всегда такая была,—тихо сказала Софья Александровна, не поднимая глазъ.

Ольга покраснѣла при этомъ напоминаніи о томъ, какая она

была. Слова Софьи Александровны были просты и беззлобны, какъ бывало прежде. Ольга едва удержалась отъ слезъ; ей вдругъ пришла мысль: *сказать*. Эта мысль была такъ страшна и неожиданна, что у нея похолодѣли руки и закололо въ кончикахъ пальцевъ. Но она рѣшилась и молча прямо взглянула въ лицо своему прежнему другу.

Сердце на минуту совсѣмъ перестало биться. Она ждала, что Софья пойметъ ея мысль, ея желаніе. Если бы она взглянула въ этотъ моментъ, то все бы рѣшилось,—такъ загадала Ольга.

Но Софья Александровна не взглянула.

Она не поняла или не хотѣла понять и, опустивъ голову, стала машинально наматывать на палецъ и опять распускать шерстинку отъ вязанья.

Разговоръ прервался. Оставалось встать и уйти. Но это было неудобно и невозможно.

— Я себѣ изъ такого вязанья хотѣла кофточку зимой сдѣлать, но ничего подходящаго не нашла.

— Сѣрую?—спросила Софья Александровна, не поднимая головы и наматывая шерстинку спиралью.

— Нѣтъ, бѣленькую,—сказала Ольга,—хотя бѣленькая не такъ практична.

— Да, бѣлое очень пачкается, — повторила Софья Александровна.

Она попрежнему сидѣла, не работая и не поднимая головы.

— Что это все разошлись?—сказала Ольга.—Вѣдь ужъ скоро чай. А гдѣ же Аннушка? Надо ее найти, — сказала она и сейчас же покраснѣла, какъ краснѣютъ люди, неумѣло придумавшіе предлогъ.

Она встала и, чувствуя, какъ щеки ея горять отъ стыда, ушла въ столовую.

Обходя столъ, она видѣла черезъ дверь, что Софья Александровна сидитъ въ томъ же положеніи съ опущенной головой, какъ она оставила ее, но рука съ намотанной на палецъ шерстинкой неподвижно лежитъ на колѣнѣхъ.

XXV.

Алексѣй Александровичъ пришелъ изъ лѣса. Ольга увидѣла его въ окно и пошла къ нему.

— Нѣтъ, это мучительно, это невыносимо! — сказала Ольга.

Алексѣй Александровичъ, снимая ружье и сумку, повернулся было къ ней съ ясной улыбкой, но, когда увидѣлъ ея разстроен-

ное лицо, сейчас же ясность смѣнилась тревожнымъ выраженіемъ.

— Что-нибудь случилось? чѣмъ ты разстроена?—сказаль онъ и, какъ былъ, въ мокрыхъ башмакахъ съ приставшими на нихъ листьями, подошелъ къ Ольгѣ.

Молодую женщину оскорбило то, что онъ спрашиваетъ, не случилось ли чего, какъ будто то, что есть, вполне нормально. И нужно еще чему-то случиться, чтобы быть разстроенной.

Но она сейчас же потушила въ себѣ дурное чувство противъ любимаго человѣка. Она сѣла въ кресло сбоку письменнаго стола и, глядя на стоявшаго передъ ней Алексѣя Александровича испуганными глазами, сказала:

— Ужасно то, что *она* молчитъ. — „Она“ называлась у нихъ Софья Александровна, такъ какъ Ольга избѣгала называть ее по имени, какъ прежде.—Вѣдь, я же ее знаю, она такъ притихаетъ и сжимается, когда что-нибудь дѣлаютъ надъ ней грубое, низменное, противъ чего обыкновенно защищаются, а она никогда... не сдѣлаетъ ни одного шага для собственной защиты. И это ужасно. Ужасно потому, что тяжело, потому что...—она развела руками и остановилась, не найдя слова; губы ея задрожали и глаза наполнились слезами.

Для Алексѣя Александровича главная тяжесть отношеній съ Ольгой была въ томъ, что вопросъ отношеній разрастался до размѣровъ вопроса о цѣлой жизни, въ то время какъ ему нечѣмъ было отвѣчать на чувство Ольги. У него отношенія къ женщинѣ никогда не сливались съ жизнью, у Ольги жизнь вся какъ бы растворилась въ любви. И Алексѣй Александровичъ не зналъ, что ему дѣлать.

„Сказать ей, что у меня нѣтъ къ ней любви“, подумаль Алексѣй Александровичъ, глядя на сидѣвшую передъ нимъ молодую женщину.

Но въ этомъ признаніи чувствовалось что-то позорное для него, какъ для мужчины, и онъ ничего не сказалъ. Не было бы позорно сказать, если бы онъ не хотѣлъ любви, но онъ ее безумно *хотѣлъ*.

— Мы сейчасъ говорили съ ней... и знаешь о чемъ?—сказала Ольга, она улыбнулась сквозь мокрыя рѣсницы,—о кофточкахъ... И вотъ это-то невозможно! Я же никогда ни о какихъ кофточкахъ съ ней ни разу въ жизни не говорила. И сразу видна ложь, ложь! И гдѣ конецъ этой лжи? Говорить попржнему я не могу, а говорить о кофточкахъ это ужъ такъ оскорбительно и для нея, и для себя.

— Да, какъ все это тяжело, — сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Ты знаешь, какое страшное испытаніе для меня утромъ цѣловать ее? — сказала Ольга. — Это та степень испытанія, за которой...

Алексѣй Александровичъ хотѣлъ что-то сказать, она перебила его.

— Это напоминаетъ... поцѣлуй изъ Евангелія, — выговорила она, покраснѣвъ.

— Ну, что ты, Ольга, — сказалъ разстроено Алексѣй Александровичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это такъ! — сказала быстро Ольга, схвативъ его за руку.

Разъ ужъ было затронуто, она хотѣла высказать это мучившее ее сравненіе.

— Вѣдь это же временно, — сказалъ Алексѣй Александровичъ, — если хочешь, я...

— И потомъ еще Танечка, — сказала Ольга, не слушая, — она вѣдь все знаетъ. — Ну, вотъ видитъ Богъ, — сказала она, сжимая руки у груди и взглядывая на образъ повыше головы Алексѣя Александровича, — видитъ Богъ, какъ я дорого и *страшно* плачу за это... Главное, *молитъ*, — сказала она, съ какимъ-то ужасомъ раскрывая глаза, — молчитъ и не поднимаетъ на меня глазъ... Но только бы... — она вдругъ подняла взглядъ на стоявшаго передъ ней Алексѣя Александровича; выраженіе тоски, бывшей у нея на лицѣ, вдругъ сошло и замѣнилось другимъ, глаза ея засіяли. — Только бы одно было, — сказала она, — и я все, все перенесу. Вѣдь оно же есть? Милый! Есть? А что если я принимаю тебя совсѣмъ не за того, каковъ ты на самомъ дѣлѣ? Что если у тебя и любви совсѣмъ нѣтъ ко мнѣ?...

— Ольга! Что ты говоришь? — сказалъ взволнованно писатель, протягивая къ ней руки, какъ бы защищаясь отъ удара.

— Ну, прости, прости, мнѣ въ голову приходятъ всякіе ужасы.

Писатель стоялъ передъ нею, поддаваясь ласкамъ женщины, и не словами, а улыбкой отвѣчалъ на нихъ, какъ будто само собой подразумѣвалось, что должна означать его улыбка.

— Вѣдь все, все твое! — говорила Ольга, притягивая его къ себѣ, — и эти руки, и лицо, и эти волосы. Помнишь, какъ ты на диванѣ въ Петербургѣ старался прикоснуться къ нимъ, когда это еще было не *наше*. Помнишь, какъ мы боялись тогда прикоснуться другъ къ другу. И какъ хотѣли этого! И вотъ теперь... Милый, спаси меня, защити отъ меня самой.

Она крѣпко до боли сжимала его руку. У нея было такое чувство, точно она шла по одной жердочкѣ на страшной высотѣ и вся была сосредоточена на этой рукѣ, которой она ввѣрила всю себя и свою жизнь. Въ этой рукѣ было или величайшее счастье или гибель.

И она, испуганная той силой любви, которая была въ ней, сжимая его руки, твердила его имя, какъ будто не понимая, что съ ней, какой огонь сжигаетъ ее и мучитъ. Она боялась этого и страстно, нестерпимо хотѣла этого, хотѣла еще и еще, безъ конца.

— Я все, все вынесу ради тебя, душа моя, жизнь моя!—говорила Ольга.

Писатель смотрѣлъ на нее, и ему страстно до отчаянія хотѣлось одного: хотя бы простой животной страсти къ этой прекрасной женщинѣ, прекрасной, но недоступной для него оттого, что какой-то дьяволъ точно разжижилъ кровь, противно охладилъ ее и потушилъ въ немъ огонь жизни.

— Знаешь, что я рѣшила? — сказала Ольга, и неожиданно улыбка сморщила ея губу.

— Ну?—сказалъ писатель, неловко улыбаясь ей, еще не зная, что она ему скажетъ.

Ему вообразилось, что она придумала какой-нибудь несообразный выходъ, показавшійся ей легкимъ,—напримѣръ, бѣжать. Но при первыхъ же словахъ Ольги онъ успокоился.

— Когда мнѣ тяжело, очень тяжело, я говорю себѣ, что я должна испытать все самое тяжелое, чтобы заслужить этимъ твою любовь и прощеніе за нее.

Алексѣй Александровичъ, чувствуя недостаточность того, что онъ дѣлаетъ, молча, какъ бы подчеркивая этимъ силу своего чувства, поцѣловалъ ее въ лобъ у пробора душистыхъ тонкихъ волосъ.

— Ты знаешь, съ чѣмъ я къ тебѣ шла?—спросила она.

— Не знаю; съ чѣмъ?

— Съ тѣмъ, чтобы сказать, что намъ лучше разойтись.

— Ольга... — сказалъ Алексѣй Александровичъ, видя себя со стороны.

— Но теперь, я чувствую, — она остановилась, — я вижу, что не могу,—докончила она. Пусть будетъ то, что будетъ.

И въ глазахъ ея были только радость и восторгъ побѣды надъ сомнѣніями.

XXVI.

— Мнѣ нужно къ тебѣ, сказать два слова, — сказала Софья Александровна, по уходѣ Ольги войдя въ комнату мужа: видъ у нея былъ такой робкій и виноватый, что Алексѣй Александровичъ понялъ, что случилось что-то необычайное. — Я должна тебѣ сказать... — два красныхъ пятна стыдливо-лихорадочно разгорѣлись на ея худыхъ щекахъ, а рука у пояса платья дрожала.

— Что? — сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я... беременна... — сказала Софья Александровна.

Алексѣй Александровичъ поблѣднѣлъ.

— Соня, — сказалъ онъ и, чувствуя, что выходитъ неестественно, подошелъ и поцѣловалъ жену въ голову.

Софья, понявъ его поцѣлуй такъ, какъ ей хотѣлось понять, заплакала радостными слезами.

— Боже мой, — сказала Софья Александровна, — теперь я почувствовала, что все спасено, все будетъ хорошо. Я мучилась, все время была въ какомъ-то кошмарѣ, но сейчасъ я ни о чемъ не хочу думать.

Ей захотѣлось сейчасъ же пойти и сказать Ольгѣ о своей радости, стать передъ ней на колѣни и попросить у нея прощенія за то, что она подозрѣвала ее въ самомъ невозможномъ и ужасномъ. Софья Александровна прошла черезъ залъ въ угловую. Ольга была тамъ; она, приложивъ платокъ къ губамъ, стояла и смотрѣла неподвижно и безжизненно въ окно. Она даже не слышала шаговъ Софьи Александровны, и у той нехватило рѣшимости сказать о счастьѣ, когда она увидѣла своего прежняго друга въ этой позѣ. Она осторожно повернулась и отошла.

Положеніе Алексѣя Александровича неожиданно осложнилось тѣмъ, что ему сказала жена. Ему вдругъ пришла не представлявшаяся раньше мысль: что будетъ, если и Ольга забеременѣетъ.

И онъ никогда такъ не разстраивался, какъ теперь при этой мысли.

Главное, нехорошо то, что онъ жилъ съ женой послѣ того, какъ у него случилось съ Ольгой.

„И какая пустота у нихъ! Я вотъ сейчасъ могу работать, уйти въ свой міръ, а она... какъ загорится у нихъ, такъ и...“

И онъ подумалъ о томъ цѣльномъ человѣкѣ, который бросилъ бы женщину, какъ только она потеряла для него обаяніе. И бросилъ бы равнодушный, безжалостный и сильный.

„Онъ даже и любятъ такихъ“, подумалъ онъ уныло.

Но-разница между нимъ и безжалостнымъ человѣкомъ была та, что тотъ испытывалъ страсть и пресыщался ею, а онъ никогда ея не видалъ, и приходилось только надѣяться, что, можетъ быть, нынче, можетъ быть, завтра хоть немножко ея наберется.

И опять было досадно, что Ольга—женщина съ излишне трагическимъ отношеніемъ къ жизни и къ любви. Если бы она жила, какъ живетъ, отдѣльно отъ него и не стремилась бы слиться съ его жизнью! И всякій разъ, когда она объ этомъ говорила, онъ испытывалъ неловкость, потому что ему это сліяніе было ненужно и сложно.

Вообще, ему никогда никто не былъ нуженъ. Онъ, сколько ни припоминалъ, никого не любилъ. Жила только пожирающая его сила желанія женщины, независимо отъ свойствъ ея души.

XXVII.

Въ среду были именины Дмитрія Ивановича и должны были пріѣхать сосѣди по имѣнію.

Утромъ дѣлались обычныя приготовленія, и когда Ольга сходилась съ Софьей Александровной въ одной комнатѣ и онѣ говорили о мелочахъ, чтобы не молчать, Ольга видѣла какую-то переменъ въ Софьѣ... Въ ней не было прежней неподвижности. У нея не было того притихшаго вида съ опущеннымъ взглядомъ. И что страннѣе всего: Ольга иногда ловила на себѣ ея кроткій, печальный взглядъ. Какъ будто она хотѣла и не смѣла заговорить о чемъ-то съ своимъ прежнимъ другомъ. И при мысли о томъ тихомъ, ласковомъ тонѣ, о словахъ: родная моя, дитя мое, какъ ее звала прежде Софья Александровна,—при мысли объ этомъ Ольгѣ неудержимо захотѣлось плакать.

Она поспѣшно ушла въ свою комнату и зарылась головой въ подушки.

„Это какое-то безволіе, у нея отнимаютъ—она молчитъ. Это невыносимо, Боже мой!“ думала Ольга, почему-то нарочно стараясь представить себѣ это свойство Софьи, какъ недостатокъ.

Человѣкъ, который твердо стоитъ за свое право, по крайней мѣрѣ, не заставитъ другихъ напрасно страдать. А это евангельское дряблое опусканіе головы... Если я дѣлаю подлость,—нужно сказать мнѣ прямо, чего я заслуживаю. И это была бы истинная милостивая человѣческая справедливость, а не „христіанская“ казнь на медленномъ огнѣ.

— Но что же онъ?—сказала она, вдругъ поднимаясь съ по-

душекъ.—Вѣдь уже два мѣсяца прошло, а онъ не сдѣлалъ ни одного шага.

И когда она подумала объ этомъ, ей все стало представляться въ ужасномъ свѣтѣ. Ей вдругъ ясно представилось испугавшее ея женскую душу ничтожество его, какъ мужчины.

— Или, можетъ быть, его мучить раскаяніе и на него уже подѣйствовало это непротивленіе?— сказала Ольга съ жесткой усмѣшкой; она опять упала лицомъ въ подушки и нѣсколько времени лежала неподвижно, только изрѣдка изогнувшееся тѣло ея вздрагивало, какъ будто отъ сдерживаемыхъ рыданій. Но когда она поднялась съ подушекъ, глаза ея были сухи.

— Я преступница, и мнѣ раскаиваться уже поздно,—сказала она,—мнѣ остается одно... Я только въ послѣдній разъ хочу знать...

Она встала съ постели и, оправивъ волосы, пошла въ комнату Алексѣя Александровича черезъ гостиную, которая уже наполнялась гостями.

Народу на именины съѣхалось много. На террасѣ уже были раздвинуты вынесенные туда столы для картъ. Въ столовой былъ самоваръ; здѣсь поили чаемъ всѣхъ вновь пріѣзжавшихъ. И вездѣ былъ народъ: въ гостиной сидѣли, говорили, курили старички, на площадкѣ передъ террасой слышались крики молодежи, смѣхъ. И въ проходныхъ комнатахъ постоянно встрѣчались барышни, убѣжавшія поправить прическу, молодые люди, зашедшіе покурить.

И когда Ольга шла, ее остановили челоѣвка четыре. Одинъ поздравилъ ее съ дорогимъ именинникомъ, другой удивился, что ея совсѣмъ не видно, третій затѣялъ какой-то разговоръ. Ольга стояла, слушала, даже улыбалась, но ничего не слышала, ничего не понимала изъ того, что ей говорили. Отдѣлавшись отъ собеседника, она прошла коридоръ и, не постучавъ въ дверь, вошла въ комнату писателя.

Алексѣй Александровичъ сидѣлъ у стола за корректурой и оглянулся на Ольгу, какъ ей показалось, съ неловкой, дѣланной радостной улыбкой. Какъ будто въ послѣднее время онъ не могъ встрѣчать ее безъ этой улыбки. Ольга, не отвѣчая на нее, закрыла дверь и сѣла. На столѣ лежала тетрадка съ надписью: „Легенды“.

— Я больше не могу,—сказала Ольга, глядя не на Алексѣя Александровича, а на конецъ шарфа, который она то растягивала, то собирала.

Она какъ будто избѣгала встрѣчаться съ его взглядомъ.

Лицо писателя стало тревожно, глаза испуганно-робко, какъ у ребенка, смотрѣли на молодую женщину.

— Это казнь праведника, гдѣ я исполняю роль палача,—сказала Ольга въ волненіи.

— Да, она бѣдная очень мучится,—сказалъ онъ, наконецъ, въ затрудненіи потирая наморщенный лобъ и, видимо, страдая.

Ольга хотѣла было что-то сказать, но при этихъ словахъ вдругъ замолчала, закусивъ губы. Она совсѣмъ не того ожидала, что онъ сказалъ. Она рассказывала ему, чтобы показать, какъ ей трудно и невозможно дальше нести этотъ крестъ, а не затѣмъ, чтобы онъ совѣстливо пожалѣлъ ту, которая стояла у нихъ на дорогѣ.

Ей вдругъ стало такъ горько, что она едва не заплакала.

— Вы прежде иначе реагировали на это,—сказала Ольга.

— Какъ иначе?—переспросилъ Алексѣй Александровичъ, мучась необходимостью лжи и невозможностью сказать ей правду.

— Такъ.

— Ольга!—сказалъ Алексѣй Александровичъ.—Какъ тебѣ не грѣхъ говорить!

— Вотъ и говоришь иначе, чѣмъ прежде. И ко *всему* ты относишься, кажется, нѣсколько иначе, чѣмъ прежде,—сказала Ольга, поблѣднѣвъ, такъ какъ сама не ожидала, что она это скажетъ.

— Какъ тебѣ не грѣхъ...—сказалъ писатель и смутился, вспоминая, что говорить эту фразу второй разъ подъ-рядъ.

— Я же съ самаго начала говорилъ, что нужно сказать. Вѣдь я же говорилъ!

Ольга молча смотрѣла на него.

„Онъ, вѣроятно, ждетъ, чтобы я разрубилъ этотъ узелъ“, подумала она вдругъ.

И отъ неожиданности той страшной мысли, которая пришла ей, вся кровь бросилась ей въ голову и на секунду потемнѣло въ глазахъ.

И эта мысль вдругъ показалась ей тѣмъ блаженнымъ, легкимъ разрѣшеніемъ вопроса, къ которому она по какому-то недоразумѣнію не приходила раньше.

Это разрѣшеніе—ея смерть.

Но ей вдругъ стало страшно при мысли о смерти. И она, пересиливъ себя, опять заговорила. Она рѣшила не замалчивать сегодня его предложеній, если онъ сдѣлаетъ ихъ.

Ее только немного удивляло, что онъ съ нѣкоторыхъ поръ какъ-то потерявъ и вчера вечеромъ не дѣлалъ даже никакихъ

словесныхъ (какъ она проницески отмѣтила себѣ) попытокъ и разрѣшеній вопроса.

И она про себя рѣшила, что если сегодня онъ не скажетъ твердо, то она разрѣшитъ сама.

— Я уже совершенно не могу съ ней говорить и оставаться вдвоемъ,—сказала Ольга,—и я не знаю, чѣмъ все это кончится,—торопливо и взволнованно добавила она.

— Ну, Ольга, у тебя какая-то излишняя прямота...

— Не прямота, а я же не могу!—почти крикнула Ольга.

— Ольга...—нерѣшительно сказалъ онъ, виновато взявъ ее за руку,—вѣдь я съ самаго начала говорилъ тебѣ, что тогда же нужно было оставить ее... Для насъ дороже всего быть вмѣстѣ...

При первыхъ словахъ молодая женщина опустила голову и, не отнимая руки, ждала.

Но потомъ твердо подняла глаза на Алексѣя Александровича.

— Какъ же это сдѣлать?—сказала Ольга.

Она твердо и отчужденно смотрѣла ему въ глаза.

— Сегодня или завтра скажемъ ей все, а потомъ... Тамъ устроится,—сказалъ писатель.

Ольга взяла отъ него свою руку, вздохнувъ, и, отвернувшись, стала смотрѣть въ окно.

— Ты мучишь себя какою-то излишнею прямолинейностью,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, переставъ говорить, о чемъ было началъ говорить.

Ольга сидѣла, устремивъ взглядъ въ окно, совершенно неподвижно, какъ будто на нее нашель столбнякъ.

— Нужно же проще относиться къ дѣйствительности. Нужно быть свободными, не спутывать себя пережитками, не мучить призраками. Не нужно соединять любовь съ прописями „христіанской морали“.

Ольга сидѣла въ томъ же положеніи и въ томъ же состояніи окаменѣлости.

— Оттого, что ты себя считаешь преступницей, ты не можешь и просто относиться къ нимъ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, уныло разсматривая свои руки,—ты вотъ и съ *нимъ* очень рѣзка, страшно рѣзка. Ты убиваешь этого, очевидно, ничего не подозревающаго, безобиднаго человѣка, почти не говоришь съ нимъ, отдѣльно... спишь. Зачѣмъ такъ?...

Яркая краска стыда мгновенно залила щеки Ольги, и она, ни слова не сказавъ, поспѣшно, почти съ отвращеніемъ отдернула свою руку, за которую писатель хотѣлъ схватить ее, и выбѣжала изъ комнаты.

Алексѣй Александровичъ вдругъ поблѣднѣлъ, почувствовалъ, что произошло что-то позорное, непоправимое.

— Ольга, Ольга!—крикнулъ онъ въ отчаяніи, повернувшись въ креслѣ.

Ольга не отозвалась. Онъ вскочилъ, схватился за голову, потомъ было бросился къ двери и, какъ бы чувствуя бесполезность всего этого, остановился и стоялъ нѣсколько времени посрединѣ комнаты съ запачканнымъ чернилами лбомъ и расширенными глазами, повторяя:

— Что же я надѣлалъ, что я надѣлалъ!... Вѣдь я же не то хотѣлъ сказать!... Она не поняла, не поняла!...—говорилъ онъ, точно призывая кого-то въ свидѣтели.

Писатель вдругъ понялъ, какъ безповоротно потерялъ то, что всего минуту назадъ считалъ своимъ и доступнымъ и цѣну чего онъ только теперь почувствовалъ. Онъ поспѣшно выбѣжалъ за Ольгой, какъ бы желая что-то объяснить ей, оправдаться.

XXVIII.

Алексѣй Александровичъ нашелъ ее въ угловой, она стояла въ какомъ-то столбнякѣ у окна. Но при видѣ его сейчасъ же вышла изъ пустой угловой въ столовую, гдѣ пили чай.

Ей какъ будто стала страшна самая мысль о его близости къ ней. И, одинъ разъ взявшись за то мѣсто спинки стула, за которую онъ передъ этимъ держался, Ольга съ испугомъ отдернула руку отъ нагрѣтаго его рукой мѣста.

Онъ зналъ, что въ женщинахъ есть способность послѣ одного невѣрнаго шага мужчины вдругъ получить къ нему такое обращеніе, на какое неспособенъ ни одинъ мужчина. И эта мысль для него, всего одинъ день тому назадъ безгранично любимого ею, была такъ ужасна, такъ чѣмъ-то позорна, что невозможность объяснить ей, растолковать что-то приводила его въ отчаяніе.

— Я тебѣ налью чаю,—сказала Софья Александровна, обращаясь къ Ольгѣ, когда та подошла къ столу.

Софья Александровна смотрѣла тѣмъ взглядомъ на Ольгу, какимъ она смотрѣла прежде, когда она, навѣрное, сказала бы:

— Что съ тобой, дитя мое? О чемъ ты тоскуешь?

Ольга, вздрогнувъ и странно взглянувъ на своего друга, сказала, что она не хочетъ, и отошла.

„Что съ ней?—подумала она.—Что она такъ расцвѣла, она сіяетъ. Что же случилось?“

— Теперь все равно, что бы ни случилось,—сказала она и,

вдохнувъ, прошла въ коридоръ, оттуда въ свою прежнюю, общую съ Дмитріемъ Ивановичемъ спальню, постояла тамъ, какъ-то странно оглядывая все, потомъ пошла дальше, гдѣ была комната Софьи Александровны съ большой постелью.

Ольга вошла сюда, взглянула на бѣлую постель и, содрогнувшись плечами при какомъ-то воспоминаніи, сейчасъ же вышла. Она, какъ сомнамбула, прошла въ *его* комнату, гдѣ на рабочемъ столѣ лежала его развернутая съ недописанной страницей тетрадь. Остановилась и оглядывала все, какъ оглядываетъ еще дымящееся пожарище хозяинъ сгорѣвшаго дома, гдѣ погибло все, что онъ имѣлъ.

— Разрѣшится, все разрѣшится... скоро, — сказала Ольга вслухъ. Въ коридорѣ слышались шаги.

Она узнала его поспѣшные шаги. Онъ, очевидно, слѣдилъ за нею и теперь, увидѣвъ ее у себя въ комнатѣ, бѣжалъ сюда.

На Ольгу нашелъ какой-то ужасъ при мысли, что онъ ее захватитъ здѣсь. Она безпомощно оглянулась, потомъ, подобравъ передъ платьемъ и на цыпочкахъ, какъ бѣгаютъ, когда играютъ въ жмурки, перебѣжала комнату до другой двери въ коридоръ въ тотъ моментъ, когда онъ былъ уже на порогѣ.

— Ольга! — крикнулъ Алексѣй Александровичъ въ отчаяніи, видя, что она убѣгаетъ. — Ради Бога, я только выясню! Я не трону тебя.

Онъ видѣлъ, что она не остановится; въ ея глазахъ былъ одинъ только страхъ передъ тѣмъ, что онъ можетъ подойти и прикоснуться къ ней. И это его ужаснуло.

Онъ въ отчаяніи хотѣлъ было удержать ее, что-то растолковать ей, но она выскользнула въ коридоръ, оттуда пробѣжала до дѣтской и маленькаго коридора въ кухню.

Онъ запутался въ незнакомой части дома.

Она слышала его голосъ за собою, ей казалось, что онъ настигаетъ ее. Она пробѣжала коридорчикъ, оклеенный картинками изъ басенъ, выбѣжала на заднее крыльцо, на которомъ висѣлъ Аннушкинъ чугунный умывальникъ на веревочкѣ, и сбѣжала по деревяннымъ ступенькамъ въ садъ.

Алексѣй Александровичъ выбѣжалъ на крыльцо. Ольги уже не было, и онъ не зналъ, куда она дѣлась.

У него вдругъ похолодѣли руки при мысли о томъ, куда она побѣжала. Онъ хотѣлъ было обѣжать домъ, чтобы скорѣе ее поспѣть къ пруду, но навстрѣчу ему попалась кухарка съ подоткнутой юбкой, выносившая ведро съ помоями. И онъ невольно задержалъ шагъ, чувствуя стыдъ бѣжать бѣгомъ на глазахъ у бабы.

Когда онъ обѣжалъ домъ, Ольги нигдѣ не было.

При ужасной мысли, что онъ *опоздаетъ*, писатель бросился цѣпликомъ по травѣ. На полдорогѣ онъ вдругъ вспомнилъ, что пруда было два. Остановился, потомъ, задыхаясь, съ встающими на вѣтру волосами, побѣжалъ въ прежнемъ направленіи.

Онъ зналъ, что ему нужно было успѣть пересѣчь дорогу, прибѣжать раньше, чѣмъ она, къ пруду. Одинъ разъ онъ, не замѣтивъ ямки, заросшей травой, споткнулся и упалъ, больно ссадивъ кожу на колѣнкѣ, потомъ опять побѣжалъ.

Ольга, выйдя за канаву сада, сошла съ крутого берега и взошла на мостикъ подъ осиною.

Нѣсколько времени она стояла на краю доски, блѣдная, съ разбившейся прическою и прислушивалась, потомъ посмотрѣла на воду у себя подъ ногами.

„Неужели я хочу это сдѣлать? Неужели до этого дошла?“—подумала Ольга. И ея страданіе показалось ей не такъ напряженно, какъ должно бы быть. Ей даже хотѣлось нарочно усилить его въ себѣ зачѣмъ-то. Она думала объ этомъ, глядя передъ собою куда-то вдаль тѣмъ же отсутствующимъ взглядомъ и не направляя растрепавшихся волосъ.

— Вотъ дорога, по которой мы ѣздили за грибами,—сказала она, увидѣвъ на той сторонѣ размытую глинистую дорогу въ гору.—Вотъ это я, вотъ мой палецъ, и мнѣ больно. Захочу и пойду сейчасъ и завтра по той дорогѣ.—И это сознаніе возможности пойти по дорогѣ, на которую прежде не обращалось вниманія, эта возможность показалась ей такимъ неизъяснимымъ великимъ счастьемъ, больше котораго она ничего не испытывала.

Но вмѣсто этого она, какъ будто неожиданно для себя, какъ будто она не хотѣла этого, качнулась впередъ.

И уже падая, она услышала позади себя испуганный крикъ. Она съ тоской и отвращеніемъ узнала голосъ.

Прудъ, высохшій за лѣто, былъ неглубокъ въ этомъ мѣстѣ. Утонуть было нельзя. Нога ея достала дно. И все равно онъ бросился бы за ней, вытащилъ бы ее и прикоснулся бы своими руками къ ней. Она содрогнулась отъ этой мысли.

Смертельная тоска и отвращеніе охватили ее. Измученная и несчастная, она дошла до берега и выбралась на плотину.

Платье ея было мокро, чулки и ботинки полны грязи, и руки, на которыя она опиралась, когда вылѣзала на берегъ, были въ глинѣ. Это особенно дѣлало униженнымъ и жалкимъ ея положеніе.

Алексѣй Александровичъ, подбѣжавъ, бросился было къ ней.

— Ольга, одно слово... умоляю!... Что ты съѣдала?

— Оставьте меня... уйдите совсѣмъ! Я оступилась... я упала въ воду.

И она пошла къ дому. Мокрые волосы плотно прилипли къ вискамъ, воспаленные глаза смотрѣли прямо передъ собой.

Писатель, не смѣя приблизиться, шелъ сзади.

XXIX.

Въ саду на дорожкѣ показалась Софья Александровна, искавшая Ольгу.

— Боже мой! Что съ тобой?—Она бѣгомъ подбѣжала къ Ольгѣ.

— Я... взшла на мостикъ... я оступилась,—сказала Ольга, силясь улыбнуться.

Софья Александровна взглянула на мужа; онъ шелъ точно загнипнотизированный.

— Господи! Да иди же скорѣе переодѣться!

— Да, да. Я пойду, я пойду,—говорила Ольга.

— Ты очень испугалась?

— Да... я испугалась...—говорила машинально Ольга, проводя по лбу рукой.

Софья Александровна повела ее въ спальню. Ольга послушно, какъ ребенокъ, шла и все проводила рукой по лбу. Потомъ глаза ея стали безпокойно оглядывать стѣны, потолокъ, она точно не узнавала мѣста.

— Куда мы идемъ?—сказала она жалобно.

— Ольга, Ольга, дитя мое, что съ тобой?—говорила Софья Александровна, нѣжно обнявъ ее и вводя въ свою спальню.—Сейчасъ ляжешь и успокоишься.

Ольга послушно вошла; но вдругъ глаза ея остановились на бѣлой постели Софьи, судорога ужаса и отвращенія пробѣжала по ея лицу.

— Не хочу, не хочу!—закричала она въ ужасѣ.

— Ну, пойдѣмъ сюда, сюда,—говорила Софья Александровна и шепнула перепуганной Аннушкѣ, чтобы принесла воды и ея аптечку съ лѣкарствами.

— Спаси меня, спаси,—говорила шопотомъ Ольга въ ужасѣ, прижимаясь къ Софьѣ Александровнѣ. Та привела ее въ комнату рядомъ со своей спальней, гдѣ стояли на столѣ два букета изъ астръ, и, ставъ на колѣни, начала поспѣшно раздѣвать ее.

Алексѣй Александровичъ, въ томъ же состоянii какого-то столбняка слѣдовавшій за ними, хотѣлъ было войти въ комнату.

— Не пускайте!...—крикнула Ольга въ ужасѣ.—Что же никто не держитъ двери? Господи! Какой ужасъ, какой ужасъ... Никто не держитъ...

Ее раздѣли, уложили на диванъ. Софья Александровна положила ей пузырь со льдомъ на голову и укрыла ноги пледомъ.

Ольга, лежа съ закрытыми мокрымъ полотенцемъ глазами, все говорила и говорила, и только иногда слова ея прерывались сухими рыданіями.

Писатель опять вошелъ. Онъ былъ блѣденъ и, не отрываясь, смотрѣлъ издали на лежащую молодую женщину, точно прикованный.

Ольга затихла и нѣсколько времени лежала не шевелясь. Можно было подумать, что она уснула. Изъ залы неясно доносился шумъ и голоса молодежи. На столикъ у дивана поставили зажженную свѣчу, такъ какъ стало темнѣть.

— Спать,—шопотомъ сказала Софья Александровна, сидѣвшая у изголовья.

Вдругъ Ольга сдѣлала движеніе рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро проговорила она.—Не могу, не могу... Она поняла... Она все поняла!...

— Бредитъ,—тихо сказала Софья Александровна мужу и положила свою руку на закрытый полотенцемъ лобъ Ольги.

— Какъ же это случилось?—сказала Ольга, лежа неподвижно, и только лицо ея выражало напряженіе припоминанія.—Сънокось, астры... да, да.

Писатель, еще болѣе поблѣднѣвшій, стоялъ вдали у окна, какъ приговоренный къ казни. Каждую минуту у Ольги могло сорваться какое-нибудь слово, которое выдастъ все.

Въ дверь просунулось испуганное лицо Тани.

— Что такое, мамочка?

— Тише, дѣтка. Ничего. Тетя Оля нечаянно упала въ прудъ и очень испугалась, у нея обморокъ.

— А какъ же Таня?—сказала вдругъ Ольга.

Танечка думала, что Ольга видитъ ее, и хотѣла подойти. Но Софья Александровна остановила ее рукой.

— Бредъ...—тихо сказала она.

Всѣ, подавленные, молча смотрѣли и старались понять, что говорить Ольга.

— Умереть, умереть. Отчего вы меня не пускаете, зачѣмъ держите за голову. Зачѣмъ вы ее давите?—говорила Ольга уже тихо и жалобно.—Не могу... Нѣтъ, нѣтъ, этого не могу!—быстро

проговорила она.—Гроза какая... Тише, тише... Милый... Я боюсь...—заговорила вдруг жалобно и беспомощно Ольга.—Спаси меня...

Пришедший Дмитрій Ивановичъ, не зная, какъ ему держать себя, подошелъ и взялъ руку Ольги.

— Успокойся, мой другъ, я съ тобой,—сказалъ онъ.

Ольга при звукѣ его голоса вздрогнула, сбросила полотенце, нѣсколько времени испуганными глазами смотрѣла на мужа и быстро съ испугомъ выдернула у него свою руку.

Потомъ подвнялась, сѣла на диванъ и, проводя рукой по мокрому лбу, оглядывала съ безумной тревогой всѣ лица. По нимъ она точно старалась узнать, не сказала ли она чего-нибудь.

— Успокойся, дитя мое, все хорошо,—сказала Софья Александровна, какъ будто понявъ ее.

Она уложила молодую женщину на диванъ, укрыла ее.

Писатель издали смотрѣлъ на бѣлые кружевные рукавички на рукѣ Ольги, на разбившіяся кольца густыхъ, такъ знакомыхъ ему волосъ. Эти волосы недавно были такъ близки, такъ возможно было наслажденіе отъ одного сознанія этой близости, а теперь они были такъ страшно недоступны.

Вся душа его напрягалась напраснымъ желаніемъ почувствовать эту непонятную, вѣчно недоступную для него силу, которая жила въ душѣ этой женщины, которая заставила ее такъ страдать. И ему, какъ какого-то неизъяснимаго блаженства, хотѣлось и страданія этого и слезъ до изступленія.

— Если бы любить! Если бы имѣть то, что есть у нея въ душѣ! Упасть бы на колѣни передъ ней и, сгорая отъ сладости страданія, въ изступленіи цѣловать ея ноги. Съ восторгомъ сказать при всѣхъ: вотъ оно! *Я люблю!* Я отдаю жизнь, отрекаюсь отъ своей мысли, отъ своего міра, отъ творчества—будь оно проклято! Все отдаю за эту минуту. За одну только минуту!

Но этой минуты не было. Упасть было не съ чѣмъ.

XXX.

На утро Софья Александровна зашла въ комнату мужа и съ удивленіемъ увидѣла, что онъ съ какою-то странной торопливостью укладываетъ въ чемоданъ мелкія вещи.

— Куда ты?—спросила она.

Писатель, вздрогнувъ, оглянулся. Въ его глазахъ было что-то дѣтски испуганное, остановившееся.

— Надо ѣхать, ѣхать,—сказалъ онъ,—я не могу. Я уже просрочилъ, тамъ издатель пишетъ уже давно, чтобы я пріѣхалъ для переговоровъ.

— Что же, завтра ѣхать?—сказала Софья Александровна.

— Ѣхать? Да, да, завтра.

Софья Александровна нѣсколько времени молча смотрѣла на него; потомъ пошла въ комнату къ Ольгѣ. Но увидѣла ее сидѣвшей въ какомъ-то оцѣпенѣннн въ гостиной на диванѣ, глаза ея неподвижно смотрѣли въ одну точку.

— Ты встала? Тебѣ лучше?

— Да, лучше, — сказала Ольга, безучастно посмотрѣвъ на Софью Александровну.

— Алексѣю надо ѣхать, — сказала Софья, — издатель просить прѣхать для переговоровъ.

— Для переговоровъ?—спросила Ольга, какъ будто не стараясь понять смысла фразы. — Болитъ голова. Я приняла по ошибкѣ 20 гранъ фенацетина—это не опасно?..

— Нехорошо, но ничего, я думаю.

— А сколько же опасно?—спросила Ольга, глядя куда-то вдаль. Софья Александровна сѣла рядомъ и обняла молодую женщину.

— Дитя мое, Ольга, черезъ великія испытанія и печали проходитъ жизнь. Все надо принять, все снести, и жизнь дастъ тогда оправданіе и успокоеніе.

Глаза Ольги вдругъ при первыхъ же словахъ Софьи Александровны наполнились слезами, она соскользнула съ дивана на полъ къ ногамъ друга и прижалась къ ея худымъ колѣнкамъ.

Софья Александровна гладила голову плачущей женщины и тихо говорила:

— Мой нѣжный другъ, дитя мое! Не въ смерти примиреніе. Примемъ великую печаль, какая бы она ни была. Принесемъ себя цѣликомъ въ жертву ей. И страданіе наше смоетъ все тяжелое, страшное. Я люблю тебя, люблю, мой нѣжный, чистый другъ.

Ольга забилась и затрясла головой при послѣднихъ словахъ.

— Люблю еще больше, чѣмъ прежде, — говорила Софья Александровна, разбирая и глядя густые волосы Ольги и цѣлуя ихъ.

Дверь пріотворилась, и вошелъ писатель, но, увидѣвъ Ольгу у ногъ Софьи Александровны, онъ испуганно взглянулъ на жену, не сказавъ ни слова, скрылся и почему-то на цыпочкахъ пошелъ въ свою комнату. Нѣсколько времени стоялъ, точно прислушиваясь къ чему-то. Потомъ сталъ срывать елки и механически выбрасывать за окно.

День отъѣзда былъ совсѣмъ осенній, печальный и тихій, съ ровнымъ пасмурнымъ небомъ, съ невысохшей росой въ цвѣтникахъ.

Къ подъѣзду подали тройку.

Уѣзжали писатель съ Таней. Софья Александровна оставалась еще на двѣ недѣли.

Писатель самъ торопливо, нервно собиралъ въ своей разоренной комнатѣ свои вещи.

Вышли садиться.

Софья Александровна, обнявъ Ольгу, стояла съ ней на террасѣ.

Ольга, блѣдная, похудѣвшая, какъ послѣ болѣзни, и отъ этого точно другая, перерожденная, хрупкая, смотрѣла на Таню.

Писатель подошелъ было проститься, но она его не замѣтила.

И онъ почему-то опять на цыпочкахъ подошелъ къ экипажу и сѣлъ одинъ, старчески сгорбившись.

— Пишите мнѣ каждые пять дней, тетя Оля,—сказала Таня, усаживаясь въ коляску въ широкой осенней шляпѣ. Она въ послѣдній разъ оглянула широкую каменную террасу, печальные къ осени цвѣты въ цвѣтникѣ и унылыя дорожки. Лошади тронули. Экипажъ быстро покатился.

П. Романовъ.